

Дмитрий Шашков

Разговор в 988-м

12+

Дмитрий Андреевич Шашков

Разговор в 988-м

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66216070

SelfPub; 2022

Аннотация

Философский разговор русских дружинников во время похода на ладьях на Корсунь.

Дмитрий Шашков

Разговор в 988-м

Если вы когда-нибудь ходили по морю на ладьях, вам должны быть памятны такие моменты, когда, миновав на вёслах залив, выходишь наконец в открытое море. Подхваченные добрым ветром, наши ладьи бодро заскользили на восход солнца, а мы, утомленные работой веслами, с удовольствием дремали на скамьях. С непривычки могло показаться, что слишком уж круто вздымается на каждой волне нос судна, и слишком резко потом срывается вниз, но так всегда в море; и нашему кормчему можно было доверять совершенно. Вскоре я уже спал, привалившись спиной к своему щиту, укрепленному на борту. Мне грезились сказочные греческие сокровища и наше счастливое возвращение. Помню даже, как во сне делили добычу, и я говорил князю, что не нужны мне ни чеканное золото с ликами греческих царей и их угловатыми буквами, ни серебро с замысловатой арабской вязью, ни бронза, ни стекло или камни, ни вина, но просил дать мне меч. И щедрый наш князь мне его подарил! Отчётливо помню тот меч из сна – длинный широкий клинок, удобную рукоять, изукрашенные тончайшим серебряным орнаментом перекрестие и навершие. Такой меч под стать князю или кому-нибудь из старшей дружины.

Проснувшись, я машинально пощупал рукой топор, моё

основное оружие. Через несколько скамей от меня дремал дед Тишило, мой старший товарищ, который как-то в бою оказался с топором против меча. Он надеялся мощными ударами топора разрубить щит противника, но тот молниеносным выпадом ударил его в незащищённую правую кисть руки, сжимавшую топор. Только чудом братьям удалось вытащить его тогда из боя, но он потерял три пальца, и теперь ему приходилось туго приматывать топор к руке кожаным ремнем. Поэтому я не доверяю топорам.

В какой-то момент мне вдруг стало страшно – неизвестно, что ждало нас впереди. Говорят, высоки стены этой Корсуни... И как нам их штурмовать? Неужели будем карабкаться по приставным лестницам?.. Тогда я обратился ко Христу с молитвой.

Крестился я совсем недавно, перед походом, и мало ещё что понимал в вере. Понимал только, что теперь наши враги мне братья по вере, но и князь наш тоже недавно обратился к вере во Христа, и всё равно ведёт нас на них. Что у них там очередная усобица, и опять брат идёт на брата... Однако от молитвы стало легче. Ведь я всё равно не могу повлиять на запутанные дела правителей, так что не мне за них отвечать. От меня же требуется, как я слышал чтение Апостола в церкви, «властям предержащим повиноваться», что я и раньше всегда делал, хоть и не зная зачем. Теперь знаю, что «нет власти не от Бога, существующие власти от Бога установлены». Успокоенный в совести своей я хотел было опять задремать,

когда на соседней скамье проснулся друг мой Богдан и сразу завёл разговор.

– Ну что, Добрыня, или тебя теперь по-гречески Димитрием величать? – начал он. Я подумал, что он так неуклюже пытается завязать разговор о христианстве, которое его давно интересовало. Но я и сам не силён был в слове.

– Называй, как тебе больше нравится, брат.

– Когда прежний князь наш Святослав греков бил, что-то им их Бог не очень-то помогал. Если бы не предатели печенеги...

– Наш Бог не обещает мирские успехи, это языческие боги обещают, но не делают.

Богдан задумался.

– Так что же, всю жизнь откладывать на потом, на после смерти?

– Не думаю, я просто делаю, что должен, и ни о чём стараюсь не беспокоиться.

– Так и я...

Я вспомнил, что он перед походом принёс Перуну богатую жертву, чем изрядно обременил свою семью, но не стал ему об этом напоминать.

– Послушай, – продолжил вдруг Богдан запальчиво, – так ведь из-за этого вашего христианства теперь никто толком не знает, во что верить! Как раньше, при дедах, всё было просто и понятно! А теперь, даже погребая убежденных язычников, не сжигают, как в старину, а так насыпают курган, поверх

нетронутого тела! Вдруг, мол, правы христиане, и будет воскресение всех мертвых, как тогда мёртвому из пепла восставать?

– Бог наш может и из пепла воскресить, Ему всё возможно.

– Да я не про то... Уверенности теперь нет. Как надо? Как на самом деле, кто знает?.. А всё с Ольги началось... Когда она на старости лет в христианство ударилась!

– Да ладно тебе на княгиню роптать... И потом, деды говорят, когда Ольга крестилась, уже некоторые и из дружины, и из простых крещены были и открыто нательные кресты носили.

– А я вот что не понимаю, – вмешался со скамьи напротив дядя Яра, – вот ты молодой воин, тебе, конечно, славы и добычи хочется, а греки говорят, что всё это пустое! По мне, они потому так и говорят, чтоб мы в это поверили и к ним больше не ходили!

– Но ведь, дядя Яра, они же сами в Христа верят, и у них при этом империя и богатства, о каких мечтают все до краев земли. Кто был в соборе святой Софии говорят, что как на небе побывали. Вот что Христос даёт верным своим уже в веке сем, хотя и не обещает. Что же будет в веке будущем, про который такие обетования даны?!

– Тоже мне размечтался, – засмеялся дядя Яра, – но ты знаешь, мне тоже христианство иногда нравится. Только не для вас, молодых, оно подходит, а для таких, как я, или вон

дед Тишило. А то всю жизнь служишь князю, богам богатые жертвы даёшь, а что в итоге получаешь? Ну да, доля добычи, которая всё равно быстро кончается, и опять в поход. А с тобой остаются только старые раны... Ладно ещё если только без пальцев останешься, как дед Тишило, а если ещё чего похуже? Чур меня, чур!

– Спаси Христос!

– Так это мы ещё, дядь Яр, хотя бы не смерды и не холопы! – вмешался опять Богдан, – радоваться надо такой славной судьбе, как у нас!

– Так что же, если кому-то ещё хуже, чему же тут радоваться? Тем более мрачен весь этот мир представляется. Недаром говорят, что он создан богами из трупа великана: из мяса – суша, из крови – вода, из костей – горы, из зубов – скалы, из волос – лес, из мозга – облака, из черепа – небесный свод... Может и враки, но что-то в этом есть, во всяком случае по ощущениям – именно так! Это вам по молодости кажется, что впереди всё медом смазано, а по старости, кому вообще хорошо? Князю разве что, если доживёт...

– Так князь-то наш Владимир, будучи в зените славы и богатства, тоже ко Христу обратился! – радостно заметил я, – и теперь из жестокого стал милосердным, так что и виновных предпочитает не казнить, а миловать. И вместо собирателя сокровищ стал такой щедрый, что теперь и по домам немощных привозят угощения с княжеских пиров. И вместо прежнего своего гарема оставил одну только жену, а осталь-

НЫХ ОСВОБОДИЛ!